

Катерина Цвик

**КОРПУЛЕНТНЫЕ ДОСТОИНСТВА
или
ЗНАТНЫЙ ПЕРЕПОЛОХ**

Часть 2

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ц28

Цвик К.

Ц28 Корпулентные достоинства, или Знатный переполох.
Часть 2 / К. Цвик. – М. : Т8 Издательские технологии /
RUGRAM, 2021. – 229 с. – (Знатный переполох).

ISBN 978-5-521-92701-2

Попала так попала! И тело оказалось с подвохом, и мир встречал не так радужно, как бы того хотелось. Но кто сказал, что девушка из будущего, пусть и альтернативного, не сможет преодолеть преграды на своем пути? Первые шаги уже сделаны! Хотя как шаги? Так, шажочки, но какие! А потому будем и дальше с упорством маленькой, но уже не такой толстенькой белочки прогрызать свой путь в этом мире! Так что берегитесь! Вас ждет знатный переполох!

BIC FA
BISAC FIC000000

© Катерина Цвик, текст, 2021
© Катя Каверелла, обложка, 2021
© Т8 RUGRAM, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

ISBN 978-5-521-92701-2

ГЛАВА 1

Наконец-то закончился этот бесконечный бал в честь моих именин! Я бы о них и не вспомнила, потому что даже не представляла, когда этот светлый миг наступил в жизни прежней княжны Евдокии Раевской. Но у меня были родственники, которые обойти этот знаменательный момент ну никак не могли. Хотя я без этого пышного празднества уж точно бы обошлась. На мои потуги отказаться маменька лишь ответила, что мечтала об этом слишком давно, чтобы отказать себе в удовольствии устроить праздник в мою честь. И я могла ее понять. Ведь за предшествующие шесть лет, во время которых это тело, по сути, было овощем, которое умело разве что без конца употреблять пищу в промышленных масштабах, ни о чем подобном не могло идти и речи. Да что там! Общество уже успело похоронить Дусю и лишь сочувствовало столь уважаемому семейству. А тут такой повод в очередной раз заявить, что у их дочери все хорошо, и она, на минуточку, уже в брачном возрасте! По этому поводу мне даже дали выходной от фрейлинских обязанностей, и в гости заявила сама Великая княжна Лизавета!

К моей радости, никакими эксцессами этот вечер не отмечился. Не считать же пару трехлитровых банок сцеженного яда, который не преминули оставить «подруги» и «доброжелатели» маменьки и нашего семейства. Разумеется, яд источался в завуалированной форме, как это умеют делать только в высшем свете. Но и мы с маменькой не лыком шиты, потому яд сцеживался, но под кожу не проникал и имел свойство возвращаться обратно.

За проведенное во дворце время я уже успела ко многому притерпеться, обтесаться и кое-чему научиться и теперь неплохо парировала такие выпады, но как же все это было утомительно!

Вошла в свою комнату и, игнорируя горничную и не утруждая себя раздеванием, так и упала в бальном платье на кровать, со стоном стаскивая ногу об ногу свои туфельки. Но они, заразы, не стаскивались, потому что я умудрилась забыть, что они привязаны к щиколоткам лентами! Но даже ползиться толком сил не было.

Как же я устала!

Оказывается, быть хозяйкой вечера ох как непросто! Хотя маменька и помогала мне в этом нелегком деле. Но пообещать все хотели именно со мной! Разумеется, кроме не совсем приятных моментов были и радостные. Например, подарков надарили всяких разных, но разбирать их у меня, чувствую, времени не будет совсем. Уже завтра мне надлежало вернуться во дворец, а через пять дней состоится именины теперь уже царевны, а там и до отъезда недолго.

Я уже собрала волю в кулак, чтобы подняться, как дверь потихоньку отворилась, и ко мне резвой козочкой прискакала моя сводная сестра Марья. Не утруждая себя манерами, она плюхнулась рядом со мной и нагнулась, заглядывая в глаза:

– Ну! Рассказывай! – ее лицо так и светилось предвкушением каких-то грандиозных откровений с моей стороны.

– Ну и что ты хочешь услышать? – я удивленно вздернула брови.

– Как это что? Это же был бал в твою честь! Там ведь и кавалеров тьма было! – начала она вдохновенно вещать. – И, наверное, все сегодня были влюблены в тебя! Вон какое красивое на тебе платье! А маменька даже свои драгоценности разрешила надеть! Как я хотела бы хоть одним глазочком подглядеть, что там происходило! – а потом она насупилась и добавила: – Только меня никто туда не пустил, и даже загля-

нуть не дали, представляешь?! – воскликнула с изрядной долей обиды и возмущения.

Я перевернулась на бок и подложила под голову руку, чтобы было удобнее общаться.

– Марьяш, ну ты же сама знаешь, что детей на взрослые балы пускать не принято, а если бы кто-то из гостей застукал тебя за подглядываниями, так мы все стыда бы не обрались!

– Да знаю я... – девочка сгорбилась и начала размахивать ногами, стуча пяточками о мягкий бок кровати. – Но интересно же!

– Ну чего ты насупилась? – я погладила ее по голове, но она ею дернула, сбрасывая мою руку. – У тебя скоро свой бал будет.

Она немного приободрилась, но все равно продолжала злиться:

– Это будет детский бал! Да и тебя там уже не будет! Укажишь со своей царевной к черту на кулички...

– Это да, совсем немного не успею, – пригорюнилась и я, – но подарок к десятилетию своей любимой сестренки я все равно оставлю. Поверь, тебе понравится!

Плохое настроение девочки как ветром сдуло, она тут же навалилась на меня сверху в попытках защекотать.

– Расскажи! Ну расскажи, что ты приготовила! А то страшное чудовище Щекотун от тебя не отстанет!

Я не поддавалась на столь своеобразные уговоры и в ответ начала щекотать Марью.

Мы обе хохотали, не сдерживаясь, но в какой-то момент я поняла, что с девочкой что-то не так. Она на некоторое время застыла, потом ее начало потряхивать мелкой дрожью, взгляд ее ни на чем не фокусировался и был направлен куда-то внутрь себя. Я дико перепугалась. Попыталась потормозить за плечи, но тут же одернула руки, потому что обожгла пальцы даже сквозь ее одежду!

Дико озираясь в тщетной попытке найти хоть что-то, что сможет объяснить происходящее, я наткнулась взглядом на

испуганные глаза Лукерьи, своей горничной, которая, сидя в уголке, ожидала, пока я ее позову.

– Что смотришь?! – будто и сама вела себя иначе, воскликнула я. – Зови князя, врача, да кого угодно! Быстрее! – Сама ж снова повернулась к Марье, покрывало под которой уже дымилось. – Марьяш! Марьюшка! – звала я ее, стараясь унять свою нарастающую панику. Внезапно ее взгляд стал осмысленным, девочка посмотрела на меня с недоумением и испугом. – Милая, что с тобой? – тихо и как можно спокойнее спросила я.

– Не знаю... – жалобно ответила она и протянула ко мне руки.

Мои пальцы еще болели после предыдущего прикосновения, но не подать руки испуганной девочке просто не могла. Сама не знаю как, но в одно мгновение пришло понимание, как сделать щит, чтобы он покрывал руки, словно перчатки. Точно знаю, что такого еще никто не делал, но я очень хотела помочь сестре, а инстинкт самосохранения упорно вопил о защите, которая у меня в следующее мгновение и получилась. Я протянула к девочке руки и подтянула ее к себе, обнимая и растягивая щит на все тело. Девочка немного успокоилась, но в следующее мгновение ни с того ни с сего промокла до нитки! Испугавшись, тут же вспыхнула и оттолкнула меня.

Смотреть на то, как с человека одновременно течет вода и он горит, было странно. Да что там! Все это пахло каким-то безумием. И если бы не знание, что в этом мире вообще-то есть магия, я бы заподозрила себя в том, что у меня что-то не так с головой. Неосознанно я перешла на магическое зрение.

От Марьи валил горячий пар, она вскрикнула, но в следующее мгновение я заметила, как магия жизни начала вплетаться в творившуюся вокруг нее вакханалию и не давала причинить ей вреда. Девочка испугалась не на шутку, и апогеем этого страха стало то, что все комнатные цветы разом завяли и почернели, а в магическом зрении стало видно, что

энергия их смерти вплетается в то буйство, которое сейчас творилось вокруг Марьи.

Глядя на все это, до меня, наконец, начало доходить, что сестра прямо сейчас проходит свою инициацию! Ведь ее десятилетие наступит через пару недель, а как раз в это время обычно инициация и происходит!

Эти мысли немного успокоили. Нечего паниковать, когда помощь гораздо нужнее!

– Марьяш, солнышко, успокойся! Все хорошо! Это просто инициация!

– Что? – с ужасом оглядывая себя и комнату, севшим голосом спросила девочка.

– С тобой все хорошо! – постаралась я проговорить уверенным голосом. – Это просто инициация!

– Но я же горю! – истерично выкрикнула она, глядя на свои руки и от испуга буквально задыхаясь, явно не в состоянии сделать нормальный вдох. – И... вся в воде... И вообще! Чувствую что-то странное!

– С тобой все хорошо! – снова с расстановкой, ловя ее метущийся взгляд, повторила я уже гораздо спокойнее, так как и сама начала в этом уверяться. – Помнишь, какой я была тогда, в саду, когда вокруг меня закручивался огненный смерч?

– А? – девочке явно с трудом удавалось сосредоточиться и сохранять ясность мышления. – Д-да, ты тогда нас сильно напугала.

– Вот! – с радостью подхватила я. – И у тебя то же самое! Только силы у тебя другие, вот и проявляются немного иначе!

– Правда?

Девочка посмотрела на меня с такой надеждой, что безумно сильно захотелось ее обнять и заверить, что все будет хорошо! Только я не была уверена, что сейчас это именно то, что ей нужно, да и магия ее расшалилась не на шутку, и находиться рядом становилось все опаснее.

– Конечно, Марьюшка! Тебе только нужно успокоиться и принять изменения. Помнишь, как я тогда разозлилась? – девочка судорожно кивнула, все еще с трудом делая вдохи. – Вот! А когда успокоилась, то и магия во мне улеглась! – Потихоньку кружение магических энергий вокруг сестры начало стихать. – Вот так, молодец! – подбодрила ее. – А теперь постарайся дышать ровнее.

Марья неотрывно смотрела мне в глаза и старалась делать все, что я ей говорила. Однако в это мгновение в комнату ворвалась целая толпа людей, начиная от слуг и заканчивая князем, и девочка снова испугалась и заволновалась еще больше. Она вспыхнула с новой силой, а с одежды буквально лилась вода, и обжигающий пар заволок всю комнату. Растения в кадках враз превратились в пепел, ткань и дерево нагрелось и потихоньку начинало тлеть, и лишь Марья оставалась невредимой посреди этого хаоса, защищенная собственной проснувшейся магией жизни.

Но подобное не могло длиться долго, и если не усмирить ее силу, она может выпить своего носителя до донышка, тем самым лишив его жизни.

В это время вперед протолкался отец и, тут же оценив ситуацию, гаркнул на всех, кто скопился за его спиной:

– Вон! Все вон!

Только маменьку оставил и закрыл дверь. Присутствие родителей сестру почему-то совсем не успокоило, как и их старания поговорить с ней. Князя она побаивалась, а любовь маменьки получила совсем недавно, а потому не успела до конца проникнуться доверием. Было видно, что родители на грани паники и стараются изо всех сил вывести ее из этого опасного состояния. Но тщетно.

Я готова была локти кусать от бессилия, но покусать ближнего казалось более удачной идеей, хоть и неадекватной. А потому я привлекла внимание, ущипнув обоих родителей, взглядом попросила их помолчать и снова заговорила с Марьей, снова умиряя ее страхи, чтобы остановить панику и

вернуть возможность делать свободные вдохи, ведь она так и продолжала задышаться!

Не сразу, но мне это удалось. Когда унялся последний всполох пламени на ее коже, в комнате наступила звенящая тишина. Никто из нас не решался нарушить это молчание. Марья стояла посреди комнаты в прожженном мокром платье с широко раскрытыми глазами и явно не знала, что делать.

Я сделала к ней осторожный шаг, и она, словно подхваченная ветром, полетела ко мне в руки и разрыдалась от облегчения и пережитого ужаса. Она цеплялась за мою одежду, плакала и медленно оседала на пол, потому что сил у бедняжки почти не осталось.

Мы так и присели с ней на пол там, где стояли. Я гладила ее по волосам, шептала какие-то слова успокоения и только тогда поняла, как испугалась сама. Меня даже подколачивало немного. В этот момент рядом присела мама и, обняв нас с Марьей, тоже разрыдалась.

Я не смогла остаться равнодушной и присоединилась к этому слезоразливу, высвобождая, наконец, скопление пережитых эмоций. Все-таки слезы не зря даны людям, они очищают душу и вымывают скопившийся мусор из страхов, разочарований и обид.

Папенька перед угрозой затопления нашими слезами оказался совершенно растерян и дезориентирован. Он постоял на месте некоторое время, порываясь то что-то сказать, то куда-то бежать. Наконец, подошел к кровати, стянул покрывало и укрыл им всех нас разом – все-таки мы сидели на полу, Марьяшка была вся мокрой, от нее и наша одежда стала сырой, а на улице не месяц май, и в доме не жарко – и просто сел рядом с нами на пол.

Через некоторое время мы все успокоились и просто прижимались друг к другу в некой прострации. Наконец, маменька шмыгнула носом, о чем-то задумалась и спросила:

– Марьюшка, так сколько у тебя видов магии проявилось?

Девочка на это ничего не ответила, потому что умудрила задремать. А потому за нее, стараясь говорить тише, ответила я:

– Я видела магию воды и огня, магию жизни и магию смерти.

– Ммм... – заинтересованно протянула маменька. – Душенька, а тебе ничего в этом сочетании странным не кажется?

Я задумалась. В тот день, когда я прошла инициацию, мне сказали, что одновременное проявление сразу трех магий, как у меня, очень большая редкость, а четыре появляются лишь у детей монарших особ.

– Эээ... не поняла...

– Вот и я не поняла, – сказала маменька и требовательно уставилась на папеньку. – У царя сестры не было, чтобы ты ее совратить ухитрился, так каким таким боком у Марьюшки царская кровь объявилась? – последнее она уже почти шипела, так как старалась не повышать голос.

Папенька тяжело вздохнул, виновато потупился и тихо, но твердо признался:

– Марья не моя дочь. – Если бы я на тот момент не сидела, то от такого откровения точно бы начала искать, куда пристроить свои нижние не 90. У маменьки лицо было таким же ошеломленным, как, подозреваю, у меня. Потому что папенька, кинув на нас короткий взгляд, невесело усмехнулся: – Я надеялся, что об этом никто никогда не узнает, но Марья все же пошла в отца, и скрывать теперь не имеет смысла.

– То есть ты вообще не собирался мне ничего и никогда рассказывать? – на глазах маменьки навернулись слезы обиды. Она выпрямила плечи и задрала подбородок. – Почему? Неужели я когда-либо давала повод не доверять мне?

Отец совсем сник, и усталым, но все же непреклонным тоном произнес:

– Марью нужно перенести в ее комнату, переодеть и уложить спать. А там... А там и поговорим. Уж слишком долго рассказывать.